

ПРЕДЕЛЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИГОТОВЛЕНИЕ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ: КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ

А.Ю. Водолазова, магистрант

**Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева
(Россия, г. Москва)**

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-163-169

***Аннотация.** В статье рассматриваются пределы уголовной ответственности за приготовление к преступлению как одна из наиболее чувствительных границ между ненаказуемым намерением и началом исполнения состава. Актуальность исследования обусловлена риском преждевременной криминализации обнаружения умысла и, напротив, ошибочного признания подготовительных действий покушением. Цель работы состоит в уточнении критериев разграничения приготовления, обнаружения умысла, покушения и добровольного отказа. На основе анализа норм Общей части УК РФ, научных подходов и практики Верховного Суда Российской Федерации обосновывается вывод, что приготовление возможно лишь при внешнем создании условий для конкретного тяжкого или особо тяжкого преступления до начала выполнения объективной стороны. Покушение связывается с непосредственной реализацией признаков состава, а добровольный отказ – с окончательным прекращением деятельности при сохранении возможности довести преступление до конца. Основной результат исследования выражен в трёхуровневом критерии: нормативная наказуемость стадии, объективное продвижение к составу и недоведение преступления по обстоятельствам, не зависящим от лица.*

***Ключевые слова:** приготовление к преступлению; обнаружение умысла; покушение; неоконченное преступление; добровольный отказ; объективная сторона; пределы уголовной ответственности; квалификация преступлений.*

Уголовная ответственность за приготовление к преступлению находится в зоне повышенной чувствительности уголовного права: лицо ещё не приступило к выполнению объективной стороны состава, вред чаще всего не причинён, но внешнее поведение уже может свидетельствовать о создании условий для тяжкого или особо тяжкого преступления. Ошибка в определении этой границы ведёт к двум противоположным рискам. При чрезмерно ранней криминализации обнаружение умысла подменяется наказуемым деянием, а при чрезмерно поздней реакции приготовительные действия искусственно выводятся из уголовно-правовой оценки, хотя закон прямо признаёт их стадией неоконченного преступления.

Научная проблема состоит не в повторении легального определения приготовления, а в выявлении пределов, за которыми намерение приобретает уголовно значимую форму, но ещё не становится покушением. Внутренний умысел, высказанное намерение, выбор способа, приобретение предметов, поиск соучастников и начало выполнения объектив-

ной стороны нередко располагаются в одной фактической цепи. Однако уголовно-правовая квалификация не может строиться по простой шкале «больше действий — более поздняя стадия». Необходимо установить, какие именно действия создают условия для будущего преступления, какие уже входят в выполнение состава, а какие остаются лишь коммуникативным или психологическим проявлением намерения.

Предметом исследования выступают критерии отграничения приготовления к преступлению от обнаружения умысла и покушения в российском уголовном праве.

Цель выполненного исследования – обосновать такую модель разграничения, при которой предел ответственности определяется не изолированным фактом подготовки, а совокупностью трёх признаков: нормативной наказуемости стадии, объективного продвижения к составу и характера причин, по которым преступление не доведено до конца.

Методологически исследование опирается на формально-юридический анализ норм Общей части УК РФ, сопоставление близких

стадий преступной деятельности, критический разбор научных подходов и проверку предложенных критериев на материалах судебной практики Верховного Суда Российской Федерации.

Нормативная рамка и значение стадии

Статья 14 УК РФ задаёт исходный предел: уголовно значимым является виновно совершённое общественно опасное деяние, запрещённое уголовным законом под угрозой наказания [1]. Для приготовления это положение имеет не формальное, а ограничительное значение. Намерение, даже ясно выраженное вовне, само по себе не образует деяния, если оно не соединено с поведением, создающим условия для конкретного преступления. Поэтому граница ответственности не может выводиться только из доказанности умысла. Умысел необходим, но он должен быть связан с действием или бездействием, которое уже относится к будущему составу по предмету, способу, адресату либо организационной роли.

Статья 29 УК РФ закрепляет, что неоконченным преступлением признаются приготовление и покушение, а ответственность наступает по статье Особенной части со ссылкой на ст. 30 УК РФ. В этой конструкции важна последовательность: сначала устанавливается преступление, к которому была направлена деятельность, затем определяется стадия.

Часть 1 ст. 30 УК РФ перечисляет типичные формы приготовления: приискание, изготовление, приспособление средств или орудий, приискание соучастников, сговор либо иное умышленное создание условий. Такая формула оставляет пространство оценки, но не делает приготовлением всякое предшествующее поведение. Слова «создание условий» предполагают предметную пригодность действия для будущего преступления и его включённость в преступный план. Покупка бытового предмета, разговор о возможном преступлении или поиск информации становятся уголовно значимыми не из-за подозрительного оттенка, а только при связи с конкретным тяжким или особо тяжким преступлением.

Нормативный запрет на расширение подготовки особенно заметен в ч. 2 ст. 30 УК РФ: ответственность наступает лишь за пригото-

вление к тяжкому и особо тяжкому преступлениям. Эта норма не просто ограничивает круг наказуемых случаев; она показывает, что ранняя стадия нуждается в дополнительном оправдании репрессивного вмешательства. Там, где лицо не приступило к объективной стороне состава, уголовно-правовая оценка должна быть строже к доказательствам направленности действий и осторожнее к выводам о степени опасности. Отсюда следует первый рабочий критерий: приготовление возможно только при сочетании внешнего действия, конкретизированной цели и законодательно допустимой наказуемости соответствующей стадии.

Разграничение с обнаружением умысла

Обнаружение умысла отличается от приготовления не отсутствием опасных мыслей, а отсутствием уголовно значимого создания условий. Высказывание намерения, демонстрация интереса к способу совершения преступления, обсуждение возможного плана могут иметь доказательственное значение, но не заменяют самого деяния. Уголовное право реагирует не на внутреннюю решимость и не на моральную оценку намерения, а на такой внешний шаг, который уже изменяет фактическую обстановку будущего преступления: подбирает орудие, закрепляет договорённость, готовит место, обеспечивает доступ к предмету посягательства.

В этом вопросе существенна позиция М.В. Черепанова (2024 г.) о том, что трудности отграничения приготовления от обнаружения умысла и покушения связаны с неопределённостью границ деяния и с недостаточной ясностью уголовно-правовых предписаний [2]. Такая позиция полезна не как общий упрёк законодательству, а как указание на точку риска: оценочная формула ч. 1 ст. 30 УК РФ требует дополнительной конкретизации в правоприменении. Если суд ограничивается словами о «создании условий», не раскрывая, какие именно условия возникли и почему они относятся к будущему составу, приготовление легко превращается в наказание за опасное намерение.

А.П. Птицына (2023 г.) прямо разводит обнаружение умысла и стадии его реализации: обнаружение умысла не влечёт уголовной ответственности, тогда как последующие стадии могут быть наказуемыми; простое пригото-

ление до начала выполнения объективной стороны ещё не является покушением [3]. Эта позиция позволяет удержать двойную границу. С одной стороны, подготовка не должна растворяться в намерении; с другой – она не должна механически переноситься в покушение только потому, что намерение стало устойчивым. Для квалификации важно, не насколько определённо лицо хотело совершить преступление, а какой внешний шаг оно уже совершило.

Критерий перехода от приготовления к покушению

Отграничение приготовления от покушения строится вокруг ч. 3 ст. 30 УК РФ: покушением признаются умышленные действия или бездействие, непосредственно направленные на совершение преступления, если преступление не доведено до конца по не зависящим от лица обстоятельствам. Слово «непосредственно» нельзя понимать как эмоциональную близость к цели или как уверенность лица в успехе. Оно связано с началом выполнения объективной стороны состава либо с таким действием, которое по конструкции состава уже образует исполнение преступления, хотя результат ещё не наступил или не все признаки состава завершены.

В научной литературе это различие формулируется не всегда одинаково. С.С. Медведев и В.А. Пикалов (2021 г.) раскрывают покушение через его признаки и юридическую природу, выделяя оконченное и неоконченное покушение и отмечая большую опасность оконченного покушения [4]. Для настоящего разграничения здесь важна не классификация сама по себе, а степень продвижения к составу: при приготовлении лицо ещё формирует возможность преступления, при неоконченном покушении уже приступает к исполнению, но не совершает всех действий, которые считало необходимыми, а при оконченом покушении такие действия совершены, но преступление не завершается по внешним причинам.

Поэтому критерий начала объективной стороны не может быть одинаковым для всех составов. В материальных составах он связан с действием, направленным на причинение предусмотренного вреда; в формальных – с выполнением запрещённого действия; в усечённых – с тем моментом, который законода-

тель специально перенёс на более раннюю стадию. Отсюда вытекает важное ограничение: нельзя заранее решить, что приобретение предмета всегда является приготовлением, а передача предмета всегда является покушением. Оценка зависит от того, какое именно преступление вменяется и где в его составе начинается исполнение.

Е.А. Чертищева (2024 г.) связывает разграничение приготовления и покушения с объективной стороной: пока действия не образуют её выполнение, покушения нет; покушение предполагает недоведение преступления до конца по внешним обстоятельствам [5]. Такая позиция позволяет избежать распространённой ошибки, когда «непосредственная направленность» подменяется близостью задержания, оперативным наблюдением или количеством уже совершённых подготовительных шагов. Даже сложная подготовительная цепочка остаётся приготовлением, если она не перешла к выполнению признаков состава.

Добровольный отказ и внешнее пресечение

Разграничение стадий неполно без ст. 31 УК РФ. Добровольный отказ определяется как прекращение приготовления либо действий, непосредственно направленных на совершение преступления, если лицо осознавало возможность доведения преступления до конца. Эта норма вводит волевой критерий, который отделяет неоконченное преступление от прекращения преступной деятельности самим лицом. Для приготовления это особенно важно: внешне одинаковая ситуация – лицо не использовало подготовленные средства — может означать либо пресечение по независимым обстоятельствам, либо добровольный окончательный отказ.

А.Ю. Аверьянов (2023 г.) обращает внимание на то, что признак «не доведено до конца» недостаточен сам по себе, поскольку внешне он может совпадать с добровольным отказом [6]. Эта мысль уточняет предел ответственности за приготовление: недоведение преступления не должно автоматически вести к квалификации по ст. 30 УК РФ. Требуется установить причину остановки. Если лицо прекращает подготовку потому, что утратило возможность, было задержано, не нашло соучастника или столкнулось с внешним пре-

пятствием, сохраняется пространство ответственности за приготовление. Если же оно окончательно отказывается при осознании реальной возможности продолжения, применима логика ст. 31 УК РФ.

Е.В. Благов (2021 г.) указывает, что добровольный отказ не следует признавать видом неоконченного преступления, а различие степени завершенности влияет на реализацию ответственности и назначение наказания [7]. Эта позиция помогает избежать методологической ошибки: добровольный отказ нельзя ставить в один ряд с приготовлением и покушением как ещё одну стадию. Он работает иначе – как основание освобождения от ответственности за преступление, которое лицо могло продолжить, но не продолжило. Для пределов ответственности за приготовление это означает, что стадия устанавливается прежде, чем решается вопрос о добровольном отказе, но окончательный вывод зависит от обоих элементов.

Судебно-практическая проверка критериев

Судебная практика Верховного Суда Российской Федерации показывает, что спорной обычно становится не абстрактная формула ст. 30 УК РФ, а доказанность перехода от хранения, намерения или подготовки к действиям, направленным на сбыт. В кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 07.09.2021 № 5-УД21-88-К2 Суд указал, что количество наркотического средства и удобная для сбыта расфасовка без совокупности иных доказательств не подтверждают умысел на сбыт; при недоказанности цели сбыта квалификация приготовления к сбыту была заменена на незаконное хранение без цели сбыта [8]. Предмет и упаковка могут быть частью подготовки, но не заменяют доказательства направленности на последующее преступление.

В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.09.2023 № 16-УД23-17-К4 близкая логика проведена ещё строже. Нахождение лица в месте, где часто делают закладки, наличие нескольких свёртков и упаковка сами по себе не доказали покушение на сбыт при отсутствии активных действий по оборудованию тайников и иных подтвержде-

ний умысла; отказ предоставить пароли или избранный способ защиты также не был признан подтверждением виновности [9]. В рамках предлагаемого критерия это пример отрицательной проверки: внешние обстоятельства создавали подозрение, но не показывали выполнение объективной стороны сбыта и не раскрывали достаточного создания условий именно для него.

Другой тип ситуации отражён в постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 13.12.2023 № 24-П23. Для подтверждения покушения на сбыт учитывались извлечение наркотического средства из тайника, перевозка, хранение с целью сбыта, размещение в тайниках и задержание после получения муляжа; по одному эпизоду значению имели показания, весы, упаковочные материалы и значительное количество вещества [10]. В отличие от предыдущих дел, здесь доказательственная совокупность показывала не только владение предметом, но и движение к реализации объективной стороны сбыта. Поэтому квалификация как покушения опиралась на конкретные действия, а не на общий криминологический профиль поведения.

Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 24.04.2025 № 11-УД25-8А4 дополняет этот ряд: умысел на сбыт подтверждался признательными показаниями о работе курьером-закладчиком, обстоятельствами получения закладки, перепиской о тайниках, отчётами и фотографиями закладок; версия о личном употреблении была отвергнута как не согласующаяся с совокупностью доказательств [11]. Значение акта состоит в том, что суд не вывел покушение из одного признака. Переписка, отчётность, фотографии и фактические действия по закладкам образовали связь между субъективной направленностью и внешним исполнением.

Предел наказуемости и индивидуализации

Ответственность за приготовление ограничена не только стадией, но и категорией преступления. Часть 2 ст. 30 УК РФ исключает ответственность за приготовление к преступлениям небольшой и средней тяжести. В этом проявляется пропорциональность ранней криминализации: чем дальше лицо от фактического причинения вреда, тем весомее долж-

ны быть основания вмешательства. Поэтому расширительное толкование приготовления опасно не только для квалификации, но и для общего баланса уголовного права. Если любое предшествующее действие объявляется созданием условий, ч. 2 ст. 30 УК РФ теряет сдерживающее значение.

А.И. Лесная (2024 г.) подчёркивает, что ответственность за приготовление ограничена тяжкими и особо тяжкими преступлениями, а распространение её на все категории создавало бы риск избыточной репрессии; кроме того, приготовительные действия не должны подменять самостоятельный оконченный состав или административное правонарушение [12]. Этот подход важен при конкуренции квалификаций. Если фактически совершённое деяние уже образует самостоятельный состав, его нельзя автоматически рассматривать лишь как приготовление к другому преступлению. И наоборот, если самостоятельного состава нет, нельзя восполнить этот пробел чрезмерно широкой ссылкой на приготовление.

Статья 66 УК РФ закрепляет разное предельное наказание: за приготовление срок или размер наказания не может превышать половины максимума наиболее строгого вида наказания за оконченное преступление, за покушение – трёх четвертей; также учитываются обстоятельства, вследствие которых преступление не было доведено до конца. Эти правила показывают, что разграничение стадий влияет не только на квалификационную формулу, но и на меру уголовно-правового воздействия. Ошибка между приготовлением и покушением меняет не термин, а допустимый предел наказания и оценку опасности содеянного.

Е.Е. Мелюханова (2025 г.) связывает уголовно-правовое значение неоконченного преступления с различным уровнем оценки приготовления, покушения и оконченного преступления, а юридически значимые стадии – с целенаправленной деятельностью и прямым умыслом [13]. Эта позиция поддерживает вывод о том, что стадия не должна определяться только по внешнему объёму действий. Необходима проверка направленности: лицо должно стремиться к совершению конкретного преступления, а его поведение – объективно продвигать это преступление вперёд. Без такого соединения назначение наказания за

раннюю стадию теряет связь с личной виновностью.

Собственный критерий разграничения

Предлагаемый критерий имеет три уровня. Первый – нормативный: приготовление наказуемо только тогда, когда закон допускает ответственность за соответствующую стадию, а предполагаемое преступление относится к тяжким или особо тяжким. Второй – объективный: действие должно создавать условия для конкретного преступления, но не входить в выполнение объективной стороны; если оно уже выполняет состав, речь идёт о покушении. Третий – волевой: преступление должно быть не доведено до конца по обстоятельствам, не зависящим от лица; при добровольном окончательном отказе включается ст. 31 УК РФ.

Итоговая модель не требует искусственной классификации всех фактов на заранее заданные группы. Она задаёт последовательность вопросов. Было ли внешнее деяние, а не только намерение? Создавало ли оно условия для конкретного тяжкого или особо тяжкого преступления? Не началось ли уже выполнение объективной стороны? По какой причине деятельность прервалась? Если ответ на первый вопрос отрицателен, речь идёт об обнаружении умысла. Если условия созданы, но объективная сторона не начата, возможна квалификация приготовления. Если объективная сторона начата и преступление не завершено по внешним причинам, наступает оценка покушения. Если лицо само окончательно остановилось при возможности продолжить, применяется добровольный отказ.

Такой подход сохраняет различие между опасностью намерения и опасностью деяния. Он не ослабляет уголовно-правовую охрану: подготовка к тяжким и особо тяжким преступлениям остаётся наказуемой. Но ответственность за раннюю стадию должна опираться на доказанное создание условий, а не на предположения о будущей преступности лица. Практическая ценность критерия состоит в его применимости к разным составам при обязательном обращении к конкретной объективной стороне.

Заключение

Пределы ответственности за приготовление к преступлению определяются не самим фактом раннего выявления опасного намере-

ния, а тем, достигло ли поведение лица уровня уголовно значимого создания условий. Обнаружение умысла остаётся за пределами ст. 30 УК РФ, когда внешнее поведение не изменяет фактические условия будущего преступления и не связано с конкретным тяжким или особо тяжким составом. Даже ясная вербализация намерения, выбор возможного способа или наличие подозрительных обстоятельств не образуют приготовления без предметной относимости действий к будущему преступлению.

Приготовление занимает самостоятельное место между обнаружением умысла и покушением. Его признаки проявляются в том, что лицо совершает внешние действия по созданию условий, действует с прямой направленностью на конкретное преступление, но ещё не приступает к выполнению объективной стороны состава. Поэтому квалификация приготовления требует не только ссылки на ч. 1 ст. 30 УК РФ, но и объяснения, какие условия были созданы, почему они относятся к предполагаемому составу и почему деятельность не перешла в покушение.

Покушение начинается там, где действие уже входит в выполнение объективной сторо-

ны либо непосредственно реализует запрещённое поведение по конструкции конкретного состава. Количество подготовительных шагов, устойчивость умысла, наличие предмета или приближение лица к месту совершения преступления сами по себе не заменяют этого критерия. Судебная практика по делам о сбыте наркотических средств подтверждает, что одни обстоятельства могут быть недостаточны для вывода о сбыте или покушении, тогда как совокупность переписки, тайников, отчётов, действий по размещению и иных фактов способна показать переход к исполнению.

Вклад статьи состоит в обосновании трёхуровневого критерия разграничения: нормативная наказуемость стадии, объективное продвижение к составу и волевой характер прекращения деятельности. Этот критерий не устраняет оценочность ст. 30 УК РФ полностью, но делает её проверяемой. Он позволяет последовательно отделять ненаказуемое обнаружение умысла от приготовления, приготовление – от покушения, а внешне пресечённую подготовку – от добровольного отказа.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Черепанова М.В. Проблемы разграничения приготовления к преступлению и покушения на преступление // *Моя профессиональная карьера*. – 2024. – № 60 (том 3). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://scinetwork.ru/articles/4237>.
3. Птицына А.П. Приготовление к преступлению и покушение на преступление: понятие, признаки, особенности уголовно-правовой оценки и назначения наказания. Добровольный отказ от преступления // *Молодой ученый*. – 2023. – № 19 (466). – С. 404-407.
4. Медведев С.С., Пикалов В.А. Покушение на преступление и его виды // *Научный журнал «Эпомен»*. – 2021. – № 58. – С. 273-278.
5. Чертищева Е.А. Покушение на преступление и ответственность за него по российскому Уголовному кодексу // *Молодой ученый*. – 2024. – № 18 (517). – С. 289-291.
6. Аверьянов А.Ю. К вопросу о неоконченных преступлениях в уголовном праве России // *Актуальные исследования*. – 2023. – № 45 (175). – Ч. I. – С. 40-44.
7. Благов Е.В. О видах неоконченного преступления // *Юридический вестник Самарского университета*. – 2021. – Т. 7. – № 3. – С. 31-37. – DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-3-31-37.
8. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 07.09.2021 № 5-УД21-88-К2 // *Legalacts: юридическая справочная система*. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-07092021-n-5-ud21-88-k2/>.
9. Определение суда кассационной инстанции Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.09.2023 № 16-УД23-17-К4 // *Legalacts: юридическая справочная система*. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-21092023-n-16-ud23-17-k4/>.

10. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 13.12.2023 № 24-П23 // Legalacts: юридическая справочная система. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-prezidiuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-13122023-n-24p23/>.

11. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 24.04.2025 № 11-УД25-8А4 // Legalacts: юридическая справочная система. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-24042025-n-11-ud25-8a4/>.

12. Лесная А.И. Особенности квалификации приготовления к преступлению и покушения на преступление // Молодой ученый. – 2024. – № 31 (530). – С. 51-52.

13. Мелюханова Е.Е. Уголовно-правовое значение неоконченного преступления // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2025. – № 1 (45). – С. 107-114. – EDN EUUNBV.

LIMITS OF LIABILITY FOR PREPARATION TO COMMIT A CRIME: CRITERIA OF DIFFERENTIATION

A.Yu. Vodolazova, *Graduate Student*

V.M. Lebedev **Russian State University of Justice**
(Russia, Moscow)

Abstract. *The article examines liability limits for preparation to commit a crime as a boundary between non-punishable intent and execution of an offence. Its relevance stems from the risk of premature criminalisation of manifestation of intent and erroneous qualification of preparatory conduct as attempt. The purpose is to clarify criteria separating preparation, manifestation of intent, attempt and voluntary abandonment. Based on Russian General Part norms, scholarly approaches and Supreme Court practice, the article argues that preparation exists only when external conduct creates conditions for a specific serious or especially serious crime before the objective elements begin. Attempt is linked to direct implementation of those elements, while voluntary abandonment requires final termination despite the possibility to complete the crime. The main result is a three-level criterion: statutory punishability, objective movement toward the offence and non-completion for circumstances beyond the person's control.*

Keywords: *preparation to commit a crime; manifestation of intent; criminal attempt; inchoate offence; voluntary abandonment; objective elements of offence; limits of criminal liability; criminal qualification.*